

Оксана Семык

Баллада
любви

Оксана Семык
Баллада о любви.
Стихи и переводы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28721319

SelfPub; 2018

Аннотация

Пока есть человечество, всегда будут те, кто пишет стихи, и те, кто их читает, потому что рифмованная строка зачаровывает и проникает в самое сердце. Стихи в этом сборнике очень разноплановые и по стилю, и по теме. Но, по большому счету, эта книга – и в самом деле, одна большая баллада о любви: той самой любви, что от начала времен созидает миры, соединяет людей и противостоит злу.

Содержание

Глава 1. Баллада о любви	4
Баллада о любви	4
Цугцванг	6
Любовники	8
На карте на твоей я – новый остров...	10
Баллада о споре красоты с любовью	12
У Арлекина умерла жена...	16
Осенняя элегия	17
Шотландская баллада	19
Мой мир вдруг разбился, как глобус, на части...	29
Персидская песня	30
Дорожным ангелам	32
Так будет	34
Разговор	37
Двенадцать	39
До края и за край	40
Сонет	41
Любовь уходит	42
Ангел и демон	43
Серебряная свадьба	44
Баллада о менестреле	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Оксана Семык

Баллада о любви.

Стихи и переводы

Глава 1. Баллада о любви

Баллада о любви

Давным-давно это было...
Чтоб людям жилось спокойно,
Любовь по земле бродила,
Предотвращая войны.
Босая в пыли ступала
Без денег и без обузы.
Влюбленных благословляла,
Поэтам служила Музой.

Но быстро года бежали,
Злобен стал мир и тревожен.
Люди Любовь продали:
Кто – дешева, кто – дороже.
Все из сердец и постелей

Гнали ее, как помеху,
А после Любовь раздели,
Подло распяв на потеху.
И у креста бесновались,
Скалились озверело,
Били, в лицо плевались.
Молча Любовь терпела...

Лишь ночью, когда стемнело,
Плача, какой-то убогий
Прокрался к кресту несмело
И целовал ей ноги...

Цугцванг

Последние искры любви догоревшей
Во взглядах друг друга мы видим так редко.
Пространство души, словно осиротевшей,
Расчерчено всё в черно-белую клетку.

И жизнь превратилась в игру незаметно,
В желанье победы любою ценою.
Ничья за ничьей, все усилия тщетны.
Ты партию вновь начинаешь со мною.

Теряет корону король деревянный,
И пешкой становится вдруг королева —
Играем мы оба по правилам странным.
Я — «белыми» злости, ты — «черными» гнева.

В цугцванге мы оба — давно это ясно:
Куда по доске ты не двигай фигуры,
Любые ходы к примиренью напрасны,
И наши клинками скрестились прищурь.

А время уже угрожает цейтнотом.
Да пусть бы оно уже вышло всё, что ли!
Играем мы партию, словно по нотам:

Ты – «белыми» силы, я – «черными» боли.

Спешим, совершаем ошибки всё те же.

Два раненых сердца, души две остылых.

Сраженья исход, как всегда, неизбежен:

Ничья. Вот опять. Слишком равные силы.

Не вырваться, видно, из этого круга.

И что нас в нем держит так крепко, не знаем.

Со странным упорством терзая друг друга,

Фигуры мы вновь на доске расставляем...

Любовники

Месяц в небе ночном наконец-то взошёл.
Трижды квакала жаба о том, что пора.
В то, что мы влюблены, в то, что нам хорошо,
Начиналась ненужная наша игра.

Мы одежду снимали с себя, как грехи.
Всё забыв, становились природой одной.
Чуя наши тела через травы и мхи,
Черви – дети земли – истекали слюной.

И союзницей став, свято тайну храня,
Тьмой нас ночь укрывала, как черным зонтом.
Про долги – те, что есть у тебя, у меня,
Мы забыли – оставили всё на потом.

И справляла захлёб жадный праздник любовь
До тех пор, пока совы не стихли вдали.
А затем, избегая и взглядов, и слов,
Совершенно чужими мы встали с земли.

Плавал в луже рассвет – первый утра плевков
В наши серые лица, лишённые сна.
Каждый сам по себе, одинок и далёк.

И в глазах наших гасла, бледнея, луна.

На карте на твоей я – новый остров...

На карте на твоей я – новый остров,
Тобой открытый в океане флирта.
Меня исследуешь ты походя, так просто.
Не ведая, что для меня ты – целый мир. Та

Точка, от которой счет ведется
Всем параллелям и меридианам.
Прибой соленый моей страсти в венах бьется,
Сражаясь с разумом моим в корриде. А нам

Лишь ненадолго суждено быть рядом:
На юг твой компас смотрит синей стрелкой.
И в своей бухте тихой с дивным водопадом
Корабль твой гордый удержать я не сумел. Кой

Черт меня вдруг дернул так влюбиться?
Мы, острова, ведем себя так странно.
И снова бриг твой, паруса поставив, мчится
К материкам чужим на поиск новых стран. На

Карте на твоей я – только остров.
Твоих страстей рожден на миг вулканом.
А завтра вновь на дно уйду – скалистый остов,

Опять затопленный жестоко океаном.

Баллада о споре красоты с любовью

Раз в горних высях был затеян разговор
Меж гордой Красотой и мудрою Любовью.
И постепенно перерос он в спор —
Хоть места нет на небе сквернословью.

Из любопытства чистого они
Или от скуки – счета нет их веку —
Решили наконец-то уточнить:
Из них двоих важней кто человеку.

И женщину из смертных пред собой
Поставили арбитром – пусть рассудит.
Что выберет: Красу или Любовь?
Пусть человек решит – честней так будет.

Краса накидку пышную свою
Поправила и царственным движеньем
Смущенную, невзрачную судью
Толкнула к зеркалу: «Взгляни на отраженье!»

Та громко ахнула: себя не узнаёт.
Стал тонким стан, грудь поднялась, белеет кожа.
Сияют очи, выются косы, рдеет рот.

«Да это чары! На себя я не похожа!»

«Ну как, понравилось? Ведь хочешь быть такой?
Так выбери меня – вот всё, что надо.
И преклонится целый мир перед тобой,
Лаская лик твой восхищенным взглядом».

И ждет Краса ответ, нахмутив бровь,
Красиво подведенную сурьюю.
Но тут вмешалась в разговор Любовь:
«Ты лучше выбери, чтоб я была с тобою.

К чему весь мир? Капризен его вкус.
Чтоб принимали нынче, завтра – гнали?
Не поддавайся, пусть силен искус:
Миг – и кумир другой на пьедестале.

Мне не дано сменить твой вид простой.
Но твой Единственный тебя однажды встретит,
И в любящих глазах ты станешь той,
Кто женщин распрекрасней всех на свете».

Монистами из золота звенит
Краса и начинает тихо злиться:
«Ты разве лучше? На себя взгляни,
Любовь, да разве кто тобой прельстится?»

Ты без прикрас. Такая ты, как есть.
Не пудришь ты себя и не румянишь.
Не любишь ты ни похвальбу, ни лесть.
Такой, как я, ты никогда не станешь!»

Краса раздражена, почти кричит,
Кривится рот под яркою помадой.
Любовь в ответ спокойно говорит:
"Мне украшать себя, поверь, не надо.

Ведь я – внутри, в душе, не на лице.
Нет мне нужды расхаживать в нарядах.
Я в поцелуях, в крепком рук кольце,
В заботливых словах и нежных взглядах.

И времени я бега не боюсь:
Ведь ты уходишь поздно или рано.
Уходишь в никуда. Я ж остаюсь,
Цвету. С годами я лишь лучше стану».

И замерли соперницы, и ждут
Решенья той, кого призвали сами.
Она колеблется. Не каждый день берут
Судью из смертных в спор меж небесами.

Вновь в зеркало украдкой посмотрев —
Ах, как же отражение прекрасно! —
Сказала женщина, немного осмелев:
«Я подведу итоги вашей распри».

Красе кивнула: «Ты – услада глаз.
И в жизни нашей значишь ты немало».
К Любви шагнула: «Ты же – всё для нас».
И, руку взяв ее, к груди своей прижала.

* * *

Так был тот спор иль это сон-дурман?
Но только вспомни ты, прошу, легенду ту,
Когда задумаешься все-таки сама,
На что поставить: на Любовь иль Красоту.

У Арлекина умерла жена...

Зал хохотал до слез... Его игра
Была так уморительно смешна!..
Лишь друг, Пьеро игравший, знал:
Вчера
У Арлекина умерла жена...

Но быть артистом – это тяжкий долг.
Билеты проданы, а значит, шоу быть.
От плачущего мима что за толк!
И, стиснув зубы, он пошел смешить.

Колпак шута прикроет седину.
И пусть хохочет громко зал над ним.
Он будет представлять ее одну.
В первом ряду.
А слезы спрячет грим...

Осенняя элегия

Дождем размыт осенний горизонт.
За капель пеленой всё видится нечетко.
По лужам ты спешишь летящею походкой,
Держа небрежно над собою зонт.

Тебя мой грустный провожает взгляд,
А ты об этом даже и не знаешь.
Не знаешь и о том, что мне напоминаешь
Ту, что я бросил много лет назад.

И вновь передо мной ее глаза:
Зрачки, расширенные, словно от удущья,
В тот миг, когда я мимоходом, равнодушно
Свои слова жестокие сказал.

И сжалась она резко, как зверек,
Потом застыла, верить не желая
И словно до конца не понимая,
Что я любви своей не уберег.

И помню я, что плечи ее сжал,
Встряхнул и крикнул: «Я тебя бросаю!»
Она ж смотрела кротко, как святая,

Лишь побледнел совсем лица овал.

Я повернулся резко к ней спиной
И прочь пошел... Что стало с ней? Кто знает...
Как нынче всё тот день напоминает!
Тогда ведь тоже дождь стоял стеной...

Ну почему вернулось вдруг вчера?
Со мной все чаще это происходит:
Всё, что забылось, прочно стерлось вроде,
Вновь вспыхивает углем от костра.

И понял вдруг я: как же я устал,
Как много б изменил, коль было б можно!..
И, словно утешая осторожно,
Мне желтый лист на волосы упал.

Шотландская баллада

Там, где могучий дуб шумит,
И где река с названьем Твид
Проносит воды мимо,
Тому назад уж много зим
Встречалась с Вилли я моим,
Гуляла я с любимым.

И он средь солнечного дня
Так жарко обнимал меня —
Мой милый, добрый Вилли!
Не знала я, что видят нас.
Глаза чужие каждый раз
Из-за кустов следили.

Однажды милый мой спешит
На встречу нашу к речке Твид
И говорит мне Вилли:
«Идет война. Король Макбет
Войска собирает вновь себе —
Ведь прежние разбили.¹

¹ В 1054 году войска Сиварда вторглись в Южную Шотландию и разбили короля Шотландии Макбета. Три года спустя Макбет был убит Малкольмом в битве при Лумфанане в Абердине.

И лэрд наш в рекруты меня
Отправит через два-три дня.
Скажи мне откровенно:
Женой моей ты хочешь стать?
Пообещай, что будешь ждать.
Вернусь я непременно».

Кивнув стыдливо: «Да, мой друг»,
В объятия его сильных рук
Склонилась я, не зная:
Вновь не одни мы в этот час —
За нами пара чьих-то глаз
Ревниво наблюдает.

На сердце было тяжело:
Нас расставание ждало.
Расплакалась я горько.
Меня мой Вилли утешал,
И о любви своей шептал
Он мне до самой зорьки.

Когда прощанья час настал,
Мой Вилли ласково сказал:
«Джен, уходя в солдаты,
Тебе речных жемчужин нить

Хочу сегодня подарить.
Не забывай меня ты.

Я сам собрал те жемчуга
На Твида милых берегах.²
Носи их, не снимая.
И шейку белую твою,
Пока я буду там, в бою,
Они пусть обнимают».

Я вереск белый сорвала
И Вилли ветку подала:
«Предвестник он удачи.³
На шапке ты его носи.
Он защитит и даст он сил —
Вот что подарок значит».

Ушел мой Вилли воевать.
Пришлось его мне долго ждать.
Промчалось быстро лето.
Сменилась осень уж зимой,
Но милый не спешит домой.

² В реках Шотландии издавна добывался жемчуг. Жемчуг в основном ловили ради интереса и не всегда для продажи, потому что попадался он в незначительном количестве, и не всегда хорошего качества.

³ Шотландцы верят, что белый вереск приносит удачу.

Пропал мой Вилли где-то.

И вот под вечер в декабре
Вдруг конский топот во дворе.
К двери бегу встречать я.
Неужто друг с войны пришел?
Но это лэрд наш, Кайл Мак-Кол
В богатом входит платье.

«К тебе я, Джен, со сватовством.
Хочу ввести тебя в свой дом.
Скажи лишь «да», красотка!» —
«Благодарю я вас за честь,
Но у меня жених уж есть», -
Ответила я кротко.

«Кто он?» — «То Вилли, конюх ваш.
Его люблю». — «Всё это блажь!
Убит он в Абердине.
Макбет ту битву проиграл.
Гонец об этом рассказал.
Свободна ты отныне!»

И сердце боль пронзила вдруг.
Так он погиб, мой милый друг!
Не ждать его мне боле!

Его мой вереск не сберег,
И храбро воин мой полег,
Сраженный в чистом поле.

А Кайл Мак-Кол всё ближе льнет:

«Жених твой уж в земле гниет.

Нет твоего солдата!

Давно тебя я полюбил

И даже за тобой следил

У речки Твид когда-то.

Про Вилли знал уже тогда.

Его, чтоб сгинул без следа,

Отправил воевать я.

Забудь его ты, стань моей».

И, распаляясь все сильней,

Схватил меня за платье.

Прижал меня к своей груди.

Но я сказала: «Уходи!

Дай мне оплакать горе».

И лэрд ответил: «Хорошо».

Но, перед тем, как он ушел,

Сказал: «Вернусь я вскоре».

Рыдала я немало дней,

Но сердцу было лишь больней.
Стал белый свет немилым.
А Кайл Мак-Кол не отступал:
Всё под венец меня он звал,
И сдаться я решила.

Рубины лэрд мне подарил.
Одеть он мне их предложил
Со свадебным нарядом.
Я отказалась – ведь со мной
Мой жемчуг простенький речной
Всегда у сердца рядом.

Я не снимала эту нить,
Чтоб друга Вилли не забыть.
Он дорог мне, как прежде,
Погиб он, но жива любовь.
И лишь увидеть его вновь
Все ж умерла надежда.

Еще полгода пронеслось,
И свидеться нам с ним пришлось
В канун Святого Джона.⁴

⁴ В Шотландии в эту ночь возлюбленные давали друг другу клятву верности, нарушение которой считалось преступлением. По кельтским представлениям, эта ночь была второй по значению из трех годовых «ночей духов», когда большую власть приобретали разные сверхъестественные существа.

В ту ночь, что дѹхам так мила,
Я засиделась у стола
Со свечкою зажженной.

Ярилась за окном гроза,
И вспышки молний небеса
Зигзагами крестили.
Но задрожали стены вдруг,
И на порог шагнул мой друг —
Мой нареченный Вилли!

В истлевший он мундир одет,
Одной ноги и вовсе нет,
И глаза нет у Вилли.
Лишь в двери милый мой ступил,
Тотчас по горнице поплыл
Тяжелый запах гнили.

И разглядеть мне удалось:
Он опирался не на трость —
На собственную ногу.
А глаз его, что уцелел,
В лицо мне пристально смотрел.
И молвил Вилли строго:

«Да, я убит – лэрд не соврал.

Но коль тебе пообещал,
Вернулся за тобою.
Над речкой Твид на склоне дня
Клялась дожждаться ты меня
И стать моей женою.

Я к милой Джен своей пришел,
Но леди я нашел Мак-Кол.
Женой чужого стала,
Меня назад не дождалась
Та, что в любви своей клялась
И крепко обнимала».

Тут муж мой в горницу вбежал.
Лишь глянул Вилли – лэрд упал.
Я в страхе закричала.
И слышу Вилли я слова:
«Что ж, Джен, отныне ты вдова.
Давай начнем сначала?»

Я умер, но жива любовь,
И ниткой этой жемчугов
Я обручен с тобою.
Вернусь в могилу поутру —
Тебя с собою заберу.
Мы связаны судьбою».

Он руки потянул ко мне.
Прижалась в страхе я к стене
И крикнула, рыдая:
«Тебя лишь суждено любить,
Да только вместе нам не быть —
Помолвку разрываю!»

Дрожа, я руку подняла,
И жемчуг с шеи сорвала,
И бросила я в гостя.
Он страшным голосом вскричал
И на пол в тот же миг упал,
Рассыпавшись на кости.

И вдруг исчез – как не бывал.
И жемчуг тоже с ним пропал.
И буря присмирела.
Мой мертвый муж лежал в углу,
А рядом – ветка на полу,
Тот самый вереск белый.

С той ночи мрачной, роковой
Живу бездетною вдовой.
Года летят, как птицы,
И спину гнут, и студят кровь.

Но к Вилли до сих пор любовь
Не может позабыться.

Приходит часто он во сне
И говорит мой Вилли мне:
«Меня не жди ты боле.
Пока не прекратишь грустить,
Покоя мне не обрести
В могиле в чистом поле».⁵

Но вновь и вновь иду туда,
Где речки Твид шумит вода,
И дуб стоит зеленый,
Что помнит молодой меня
В канун Святого Джона дня
И клятвы двух влюбленных.

⁵ Согласно шотландским суевериям, чрезмерная скорбь живых мешает мертвым обрести покой в загробном мире.

Мой мир вдруг разбился, как глобус, на части...

Мой мир вдруг разбился, как глобус, на части:
Австралия ревности, Африка страсти,
В мозгу полушария – как две Америки
Спорят друг с другом на грани истерики.
Одно мне твердит «Не прощают такое».
«Как жить без нее?» – возражает другое.
Размером с Евразию боль и обида.
Льдом сердце сковала тоски Антрактида.

Мой мир вдруг разбился, как глобус, на части,
И снова собрать его – лишь в твоей власти...

Персидская песня

Наш дом чадрой накрыла Ночь-ханум,
В ладонях её месяц вызревает.
Сиж у очага я, полон дум.
Ты вышиваешь, тихо напевая.

Из шелка вязь струится на ковер,
По полотну стежки летят, как птицы,
А голосом сплетаешь ты узор
Тот, что на сердце вышивкой ложится.

Щемит тоскою песня душу мне,
В ней каждое знакомо с детства слово.
Твой профиль тонкий тенью на стене
Рисует отблеск очага родного.

Из-под иглы выходит красота,
Готов ковер богатый будет скоро.
Но музыка, что пляшет на устах,
Прекрасней рукотворного узора.

Пой, Лейла, пой! Слезу смахнув рукой,
Возьму дутар, негромко подыграю.
Его изгиб изысканно-крутой,

Как твои бедра, нежно обнимаю.

Шелк струн его, как шелк твоих волос,
Я глажу пальцами, рождая робко звуки.
И сердце вдруг от чувств к тебе зашлось,
И по тебе затосковали руки.

Я песне твоей грустной подпою —
Легенде старой о любви несчастной,
О воине, что храбро пал в бою,
И девушке, что ждет его напрасно.

Мелодия взлетает ввысь, звеня,
Пронзая сердце, как клинок дамасский.
Любимая! Ты – солнце для меня,
А музыка – как воздух. Жить без вас как?

Две спутницы. Две страсти. Две любви.
Как две лозы, в душе сплелись навечно.
То, что всегда согреет, вдохновит,
Утешит в нашей жизни скоротечной.

Как выбрать лишь одну? Кто вас сравнит?
Кто мне дороже, я и сам не знаю.
И в сердце моем музыка звучит,
Когда тебя, любимая, ласкаю.

Дорожным ангелам

Вязкая тишина.
Черный квадрат окна.
Там, за окном, стена пустоты.
Слепо гляжу я в ночь
И отгоняю прочь
Мысли о том, вернешься ли ты.

Ты снова где-то там,
За пеленой дождя.
Как еще долог и труден твой путь!
Ты не со мной опять —
Замер мир без тебя.
Всё потеряло смысл и суть.
Просит душа моя встревожено
Лишь одного:
«Ангелы дорожные,
Храните его!»

Серая лента шоссе
Бесконечным клубком
Стелется под колеса, шурша.
Свет твоих фар дрожит
Крошечным островком,

И на него летит моя душа.

Трасса «Москва–Ростов».

Резкий скрип тормозов.

Сильный удар.

В страдании мир затих.

Сердце оборвалось:

Чувствую: что-то стряслось,

Но веры моей хватит на нас двоих.

К черту свое достоинство,

Вопль летит к небесам:

«Вышлите светлое воинство

Его спасти!»

Чувствую успокоенно:

Мимо прошла беда.

Ангелы дальнобойные,

Рядом будьте всегда!

Так будет

Знаю точно,

Настанет момент:

Мое ровно стучащее сердце

Треснет вдоль от любви,

Как под острым ножом переспелый арбуз.

Зазвучит она хором звеняще-воздушных октав или тер-
ций

В миг, когда на тебя я в толпе зачарованно вдруг оглянусь.

Ты в ответ вскинешь брови забавно,

Всплеснёшь удивленно руками

И воскликнешь:

«Привет! Это ты?

Как же долго тебя я ждала!»

Мы замрем ошарашено,

Сразу забыв, куда шли, что искали,

И обнимемся,

Глядя друг другу в глаза жадно, как в зеркала.

Время быстро летит.

Как-то утром наступит еще одно завтра —

То, которое всё же приходит счастливые дни завершить.

Будет всё, как всегда.

Но, встряхнув волосами, ты скажешь внезапно:

«Ну пока. Я пошла.

Больше мне не звони и, прошу, не пиши».

Ты посмотришь с тоскою в окно,

Обнимая свои зябко плечи,

Скажешь:

«Нам же не больно, ведь правда?

Ты тоже меня не любил».

Я, пытаюсь запомнить тебя навсегда,

Еле слышно отвечу:

«Слишком поздно. Прости.

Я в обратном случайно себя убедил».

А потом...

А что будет потом, я пока, если честно, не знаю.

Я еще не решался заглядывать в тот черный день далеко.

Может, там оборвется неловко моей странной жизни кри-
вая?

Или вновь позмеится вперед

Равнодушно и даже легко?

А сейчас я беру карандаш и листок,

Торопливо рисую —

Проступает набросок дорожками тонкими линий скупых.

Я твой образ спешу ухватить,

Пока помню тебя,
Вот такую,
Чтобы после,
Когда час придет,
Распознать среди шумной толпы.

Разговор

Жизни твердой рукой
Между нами пространства бескрайние брошены,
Ад тайги ледяной
И пурги завывающей буйное крошево.

И в виске всё быстрее
Жизнь годам счет ведет свой толчками-секундами.
Снятся в хмари ночей
Твои синие очи, сияя корундами.

Я не скоро вернусь —
Впереди экспедиции долгие месяцы.
Не впервой мне. И пусть
Над палаткой все вьюги таежные бесятся,

Не дает мне пропасть
Отраженный от спутника голос далекий твой,
И любви нашей власть
Побеждает пространство и демонов снежных вой.

Там, во тьме, плачет волк
И гуляет в еловых ветвях одинокого ветра смех.
Но весь мир словно смолк,

Когда слово «люблю» прорвалось через гул помех.

И я вздрогнул в тоске,
Сразу вспомнив, как это мне в губы шептала ты.
И как будто в руке
В этот миг твои пальцы я сжал вместо пустоты.

И волос твоих шелк
Будто снова лицо мне душистой накрыл волной.
И я плачу, как волк,
И смеюсь, словно ветер, под ласковый голос твой.

Слышат нас только звезды,
Деля с нами неба бездонный ночной эфир.
Ненадолго, но создан
Из мира тревог моего мост в твой светлый мир.

И летит над застылой,
Чужой, величаво молчащей седой тайгой:
«Я люблю тебя, милый». —
«И я тебя тоже». – «До встречи, мой дорогой».

Двенадцать

Я знаю, что пробьет двенадцать раз —
И ты появишься. Зажгутся свечи.
Твой пестрый зонт, водой дождя слезясь,
Подсохнет, грустно сморщившись у печи.

Твой плащ, попав впервые в этот дом,
Давно пропахший холостяцким бытом,
Брезгливо передернет рукавом
И провисит всю ночь тут, позабытый.

А по утру исчезнут зонт и плащ,
И свечи воском вслед им прослезятся.
Останусь, одинокий, пьян и пропащ,
Ждать, когда вновь часы пробьют двенадцать.

До края и за край

Стон удовольствия и наслаждения тихий вздох.
Черт это выдумал для искушения или Бог?
Мы на стене фантастической тенью слились вдвоём.
Граней стираенье, понятий смешенье: «твое-мое».

Грудью к груди: словно сердце у нас одно гонит кровь.
Как называется это – нам всё равно. Пусть любовь.
Пробую жадно на вкус твои соки, ищу ключи.
И исступление нотой высокой звенит в ночи.

В жарких объятьях сплетаемся снова мы, как в борьбе.
Все поцелуи мои нарисованы на тебе.
Вместе к вершине взбираемся страсти, и рвется вскрик.
Вдруг разлетаемся вместе на части на долгий миг.

Мы теперь знаем, всего себя просто ли отдавать.
Падаем снова на мятые простыни на кровать.
И на телах наших каплями пот, как в траве роса.
Знать бы: грешим или, наоборот, рвемся в небеса?

После за это куда, и не знаю мне: в ад ли, в рай?
Лишь бы с тобой, лишь бы вместе до края, потом за край.

Сонет

Закат подкрался, затихает сад,
Вновь по листве стекает тень ночная.
От твоих губ не отвожу я взгляд
И замерев словам твоим внимаю.

А воздух – словно негой напоен,
И та же нега в томной твоей позе.
Мне кажется – я сплю и вижу сон,
Глаз не свожу с тебя я, как в гипнозе.

Нет никого здесь, кроме нас двоих.
Вот вдруг ты что-то грустное запела,
И на уста я нежные твои
По-прежнему гляжу оцепенело.

Пой, говори, но не молчи, прошу я —
Не то не удержусь от поцелуя.

Любовь уходит

Любовь уходит на излете лета.
И точный день не назовешь, когда
Вдруг прервалась, как песня средь куплета,
И утекла сквозь пальцы, как вода.

И остается только сожаленье,
Что чувствами я обманулся вновь.
С досадой вспоминаются мгновенья,
Когда от взглядов закипала кровь.

Любовь уходит – я не жду возврата.
К чему? Страницу я перевернул.
Не пьян я больше страсти ароматом,
Я трезво наконец на всё взглянул.

Любовь уходит. Буднично, неспешно.
И гаснет искрою в душе, на дне...

...Да, будут встречи новые, конечно,
Но вот вернется ли любовь ко мне?

Ангел и демон

Я – падший ангел.

Ты – восставший демон.

Меня отверг Эдем.

Ты рвался в высоту.

На миг сошлись лишь

На одной черте мы,

Наивно раем посчитав эту черту.

А через миг —

Так был он или не был?

Всё та же сила,

Что столкнула нас,

Тебя уже влекла всё дальше в небо,

А моё тело опускала в грязь.

Серебряная свадьба

Четверть века – немало,
Но не ощущаются бременем.
Настоящее чувство – не мода:
Оно не подвержено времени!
И за руку твою не устанет
С любовью держаться рука моя.
Губы шепчут: «Родной». И в ответ:
«Дорогая! Прекрасная самая!»

Взгляды тонут друг в друге,
Сердца бьются в такт,
Мысли часто так сходятся.
Жизнь щедра не всегда,
И порой нам за счастье
Бороться приходится.
Но встречаем невзгоды мы вместе,
Что б ни было послано нам судьбой.
Губы шепчут: «Родная, держись!».
И в ответ: «Не сдавайся, ведь я с тобой!»

Четверть века – лишь дата,
Лишь столб верстовой на большом пути.
И пусть знать не дано нам,

Как долго еще предстоит по нему идти,
Мы обнимемся крепче
С надеждой во взглядах и смерти назло самой.
Ты прошепчешь: «С тобой навсегда».
Я отвечу: «Навечно, любимый мой!»

Баллада о менестреле

Море ладонями пенными гладит
Берег Шотландии милой, лаская.
Люди, впустите меня Христа ради!
Я вам за это спою и сыграю.

Многие годы брожу по дорогам —
Гонят тоска и нужда менестреля.
Вам благодарен я был бы премного,
Коль накормили б меня и согрели.

Старость теперь моей спутницей стала.
Тронула плечи – спина искривилась.
Пóходя волосы мне приласкала —
И седина на висках появилась.

Здесь уж бывал я когда-то: мир тесен!
Нынче к вам скуку явился нарушить.
Знаю я много преданий и песен —
Их к очагу собирайтесь послушать.

Арфы коснусь я рукою неспешно,
И отзовутся покорные струны,
Сопровождая мелодией нежной

Повесть мою о красавице юной...

* * *

В этих краях подрастала девица
В домике скромном, в семье небогатой.
К ней иль посвататься, иль подивиться
Многие горцы съезжались когда-то.

Цвета фиалки глаза, косы вьются,
Стан ее жадно мужской взгляд ласкает,
Алы уста. Но кому достаются?
Кто с них украдкой лобзанья срывает?

Ради кого отвергает Давина
Всех женихов – холодна, непреклонна?
В сердце ее лишь один есть мужчина —
Это отцовский батрак Нил Макдоннан.

Но, видно, мужем ей стать он не сможет:
Жадный отец на мольбу не сдастся —
Дочь свою хочет продать подороже,
Раз уж вокруг богачей столько вьется.

Жалкий поденщик? Еще не хватало!
Коль небогат, к чему с нищим родниться?

Гнать его в шею! «Проваливай, малый!
Сватает дочку купец из столицы!»

Только батрак не бросает затею.
Смотрит орлом, держит прямо он спину:
«Коли возьму я и разбогатею,
То за меня ты отдашь ли Давину?»

Тут только хитрость, наверно, поможет.
«Да, обещаю, коль ты раздобудешь
Тыщу дукатов. Тогда уж, ну что же,
Свадьбу сыграем, и зятем мне будешь».

Эдакий куш бедняку и не снился.
Так-то! Исчез из селенья Нил вскоре.
Кто говорил: с горя он утопился,
Кто говорил, что уплыл он за море...

Год пролетел...
Гордо споря с волною,
Мчался корабль, паруса надувая,
В тучах играл ветер в прятки с луною,
Что-то негромко в снастях напевая.

Тихо на палубе. Лишь у фальшборта,⁶

⁶ Фальшборт – ограждение по краям наружной палубы корабля представля-

Облокотясь о планширь,⁷ Нил Макдоннан
Замер в раздумьях в кольчуге потертой,
Глядя в лицо морской глуби бездонной,

Время от времени взор устремляя
Вдаль, где видны уж знакомые скалы...
Близко Шотландия, сердцу родная!
Горцу для счастья ведь нужно так мало:

Сила, свобода, меч верный и ветер,
Вереска запах несущий и хлеба,
Преданный конь, самый быстрый на свете,
Звуки волынки да родины небо.

Только вот мрачная тайна хранилась
В стылой душе и в устах крепко сжатых —
Память о том, когда року на милость
Сдался Макдоннан, продавшись в солдаты.

В битвах чужих и с чужими врагами

ющее собой сплошную стенку без вырезов или со специальными вырезами для стока воды.

⁷ *Планширь – деревянные перила поверх фальшборта.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.